

МАРИНА ВЕТРОВА

РАЗВОД С ПРЕДАТЕЛЕМ.

*Теперь я
выбираю себя*

Марина Ветрова

**Развод с предателем.
Теперь я выбираю себя**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Развод с предателем. Теперь я выбираю себя / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Я ехала к мужу с дорогим подарком. А нашла его вторую семью. Другая женщина. Двое детей. И мой любимый Пётр, который спокойно заявил, что настоящая семья у него теперь здесь. Двадцать лет брака оказались ложью. Он уверен, что я проглочу предательство. Что оставит меня без денег, квартиры и даже сына. Но он кое-чего не учёл. Я наняла лучшего адвоката города. Холодного, опасного Арсена Вельда, который не привык проигрывать. Теперь бывший пожалеет о каждой своей лжи. Вот только почему рядом с моим адвокатом сердце снова начинает биться чаще? Я хотела уничтожить прошлое. Но неожиданно получила шанс на любовь и совершенно другую жизнь.

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Марина Ветрова

Развод с предателем.

Теперь я выбираю себя

Глава 1

На шоссе Москва–Тверь грузовики один за другим закрывали мне указатели. Я сжимала руль «Киа» и вытирала ладонь о колено: до сюрприза Петру оставалось двадцать минут. На пассажирском сиденье подрагивала коробка с навигатором для его фуры. За неё я отдала всю квартальную премию и ещё в магазине велела завернуть поаккуратнее. Пётр месяц жаловался на старые карты: то низкий мост, то дорога заканчивается в болоте. С этим прибором ему не пришлось бы звонить мне и ругаться на маршрут. А может, он позвонил бы просто так. Спросил, что у нас с Матвеем на ужин. Я глянула на коробку и поправила её на сиденье. До чего же дошла: покупаю повод поговорить с собственным мужем.

В пригороде Твери я убавила радио, чтобы не пропустить нужный поворот. Дома стояли тесно; номер на заборе пришлось искать, почти прижавшись к нему бампером. Адрес ремонтного бокса Пётр прислал мне сам — просил переслать туда забытую накладную. Вместо конверта я привезла подарок. Я свернула в узкий проезд, где асфальт был изъеден ямами, и остановилась у частного дома с высоким металлическим забором. Гараж был открыт. Изнутри пахло маслом, резиной и чем-то сладким, детским.

Возле машины пришлось поправить куртку: воротник прилип к шее. В гараже никого не было, хотя я уже приготовилась махнуть коробкой и крикнуть: «Смотри, что привезла!» Наверное, надо сначала позвонить. Пётр терпеть не мог, когда ему мешали с машиной. И тут меня разозлила собственная осторожность. Три дня от него только «некогда» и «потом», а я ещё выясняю, можно ли подойти. Прижала подарок к груди и прошла во двор.

И услышала смех.

Смеялись дети, сразу несколько. Я остановилась у угла гаража и прислушалась: сейчас Пётр тоже засмеётся, и я его узнаю. Соседские, наверное. Или кто-то из родни приехал? Уже перебирала в голове его родственников, пока обходила угол. Очень хотелось увидеть там кого-нибудь знакомого, чтобы самой себе сказать: вот, дура, чего напридумывала.

Пётр сидел на корточках перед мальчиком лет шести и возился с его шнурками. Свитер на нём я узнала по фотографиям с подписью «уютные вечера». Дома такого не видела: у нас он ходил в майке или рабочей рубашке. Девочка лет четырёх подпрыгивала рядом, цепляясь за его руку. Он придержал её, улыбнулся и снова взялся за шнурок. Я смотрела на эту петлю в его пальцах. Матвеем он в шесть лет говорил: «Сам справишься, будь мужчиной». А здесь присел, завязал, погладил коленку — спокойно, без раздражения.

Девочка подпрыгнула и обняла Петра за шею. — Пап, мы ждем маму Галю? — спросила она, чмокнув его в щеку.

Коробка сползла у меня по куртке. Я перехватила её снизу и прижала крепче, потому что пальцы вдруг перестали слушаться. «Пап». Она сказала это моему Петру. Можно было ещё придумать про чужих детей, про шнурки, про свитер. Про это короткое «пап» я придумать ничего не смогла.

Я вышла на гравий. Под подошвой хрустнул камешек, и Пётр обернулся. Первое, что он сделал, — посмотрел за мою спину, на машину. Потом на коробку. Брови сошлись, как по утрам, когда я будила его перед рейсом. Даже сейчас я помешала ему. Он вытянул рукав из детских пальцев и кивнул на дом: — Идите в дом, папа сейчас разберется.

Девочка потянула мальчика за собой, и дверь закрылась. Пётр поднялся, сунул руки в карманы. Я стояла перед ним с подарком и не знала, куда его деть. Он мог бы хотя бы спросить, зачем я приехала. Но ждал, когда заговорю первой.

— Где ты был три дня? — спросила я слишком громко и сглотнула. На следующую фразу воздуха уже хватило. — Ты сказал, что в рейсе.

Пётр повёл уголком рта. Раньше я за такую улыбку прощала ему всё, даже опоздания к сыну на день рождения. Сейчас смотрела на неё и ждала хоть одного объяснения. — Я здесь, Оля. Живу. Галя — моя женщина, дети — мои.

Я открыла рот. Он не дал спросить — достал телефон и сам поднёс мне к лицу. Листал фотографии большим пальцем: стол со свечами, Галя в парке, торт для младшей девочки. Не случайные снимки с дороги, которыми он делился со мной. Праздники. На одном я узнала выходной, когда мы с Матвеем ждали его к ужину и так и не дождались. Пётр перелистнул дальше, словно показывал новую машину коллеге.

— Ты... ты ведешь двойную бухгалтерию? — прошептала я.

— А почему нет? — он пожал плечами. — Ты успешна, независима, тебе хватает твоей работы. Мне нужна семья. Настоящая. Тихая. Без твоих амбиций и вечного контроля.

Меня бросило в жар. Поставила коробку прямо на гравий и ухватила его за ворот свитера. Оттуда пахло одеколоном, а из дома тянуло жареным мясом. Они собирались ужинать. Я бы могла приехать на час позже и застать его за столом, довольного, с салфеткой на коленях. — Я подам на развод! Я заберу всё! Квартиру, машину! Тебя выставят из твоей конторы!

Он взял меня за запястья и отвёл руки вниз. Я дёрнулась; он удержал, дождался, пока перестану, и только тогда отпустил. Будто я была не женой, а человеком, которого следовало обезвредить и отправить за ворота. — Ты всё равно не докажешь ничего, Оля. У нас общий бюджет, общая квартира, оформленная на тебя, да, но ипотеку платили с моих премий. А у меня есть алиментные обязательства перед этими детьми. Если ты начнешь войну, суд разделит имущество пополам, но ты потеряешь нервы, репутацию и время. Ты останешься ни с чем. Не устраивай цирк. Просто уходи.

Я ждала, что он повысит голос. Тогда могла бы крикнуть в ответ. Но он говорил негромко и смотрел на ворота — туда, куда мне полагалось уйти. Особенно отчётливо прозвучало «пополам». Он уже подсчитал, что оставит мне, и теперь уверял, что это значит «ни с чем».

Дверь дома открылась. Галя вышла без куртки, в тонком домашнем платье; я отметила это раньше, чем лицо. Красивое, молодое лицо. Она оглядела нас, подошла к Петру и просунула ладонь под его локоть. Так я когда-то встречала его после рейсов — ещё до того, как начала сначала проверять, в каком он настроении. — Кто это, Петя? — спросила она тихо.

— Бывшая, — ответил Пётр, даже не взглянув на меня.

Галя посмотрела на мой воротник, потом на руки. Я сунула их за спину, но она уже заметила дрожь. Чуть наклонила голову, заговорила ласковее. От этой ласки мне захотелось отступить так же сильно, как минуту назад хотелось ударить Петра. — Может, отвезешь ее домой? — сказала она, обращаясь к Петру, хотя говорила для меня. — Она бледная. Выглядит так, будто сейчас упадет.

Она обсуждала, как меня отвезти, словно я уже не могла сама решить. Пётр не отнял у неё руку. Стоял, давал ей говорить обо мне и со мной, будто это она его жена, а я приехала нестати. Захотелось спросить, давно ли они так привыкли. Но ответ был прямо передо мной.

Подхватила коробку и пошла к воротам. Под ногами гравий сменился асфальтом; я не заметила ледяную крошку у самого порога. Подошва поехала, и я ударилась коленями, не успев выставить руки. Коробка отлетела вперёд, крышка отскочила. Навигатор стукнулся об асфальт экраном. Пока я пыталась вдохнуть, из раскрытого корпуса высыпались детали.

На секунду стало слышно только, как я втягиваю воздух сквозь зубы. Пётр подошёл на шаг, остановился возле коробки. Поднимет, подумала я. Меня или хотя бы подарок. Он вздохнул: — Зачем было покупать дорогую игрушку? Теперь и починить нельзя.

Я лежала на холодном асфальте, а Пётр оценивал ущерб навигатору. Даже сейчас. Не спросил, могу ли я встать, не протянул руки. Значит, со мной уже всё решил. Оставалось решить мне — и не на его условиях.

Я упёрлась ладонью в асфальт. Колени жгло, но лучше так: от боли можно подняться и отойти. С его голосом было хуже. «Дорогая игрушка». Все деньги, ради которых я закрывала чужие смены, теперь лежали у него под ногами, и только это его волновало.

Я медленно поднялась. Смахнула мокрую крошку с коленей. Проверила, не порван ли чулок. Прикусила щёку, чтобы не всхлипнуть. Колени горели. Хотелось сесть прямо здесь и разреваться, но Пётр смотрел. До машины. Сначала добраться до машины, потом решить, что делать дальше.

В машине я заперла двери и завела мотор. Через зеркало было видно крыльцо. Дети опять вышли, Пётр присел к мальчику, Галя стояла над ними и улыбалась. Ни один не посмотрел в мою сторону. Я отвернула зеркало: хватит, ещё увижу.

Открыла бардачок и достала блокнот с клиентскими номерами. Где-то тут было имя юриста, о котором говорила коллега, когда я пожаловалась на странные Петины расходы. Арсен Вельд. Нашла, обвела два раза. Коллега уверяла: этот не будет разводить сочувственные разговоры, он умеет вытаскивать спрятанное имущество. Вот это мне и нужно. Вписала имя на чистую страницу; к ручке прилипла грязь с ладони.

Под его именем написала ещё одно слово. Подчеркнула, убрала блокнот и выехала со двора. Навигатор остался на асфальте. Пусть теперь сам выбирает, что с ним делать.

«Уничтожить».

Глава 2

На кухне пахло тушёной капустой. Я приготовила её как обычно, с томатом, который Матвей любил вымакивать хлебом. Поставила тарелку, подвинула вилку. Он не взял ни того ни другого, только упёрся локтями в стол и смотрел на меня. Мне бы сейчас привычное «а мясо есть?» или «я это вчера ел». Сын молчал, и приходилось смотреть ему в лицо.

— Ты всё разрушила, — сказал он и сглотнул, прежде чем договорить. — Из-за этих чужих детей из другого города. Теперь у нас нет семьи. Есть только ты и твоя обида.

Сразу захотелось рассказать ему всё. Как папа завязывает шнурки тому мальчику. Как меня назвали бывшей. Уже набрала воздуха и замолчала: двенадцатилетнему сыну это зачем? Он и так узнал слишком много. Матвей ждал ответа, я смотрела на вилку возле его руки. Тошнило, будто опять стояла во дворе рядом с разбитым навигатором.

Медленно, стараясь не выдать дрожь рук, я подвинула полную тарелку к краю стола. Соус плеснул на скатерть. — Хорошо, — сказала я, хотя ничего хорошего в этом не было. — Ешь, когда захочешь. Или не ешь. Это твой выбор.

Я оставила дверь кухни приоткрытой и отошла в коридор. Матвей шмыгнул носом. Вернуться бы, обнять, но он сейчас оттолкнёт — я знала. Постояла у стены, прижимая холодные пальцы к щекам. Его «есть только ты и твоя обида» было так похоже на Петра, что я едва не позвала сына обратно: пусть хоть объяснит, откуда взял эту фразу.

Телефон зазвонил, пока я стояла у стены. «Петя». Отвечать не хотелось, но я всё-таки нажала кнопку. Он помолчал, ожидая моего голоса. Ну уж нет. Сегодня пусть сам объясняет, зачем звонит.

— Оля? — спросил он ласково. С таким голосом обычно просил денег или обещал привезти подарок. — Сыну передай привет. Скажи, что папа очень занят рейсами, но думает о вас. Понимаешь, времена сложные... У меня сейчас такая нагрузка, что голова кругом. Не дави на него, пожалуйста. Ему нужна поддержка, а не твои истерики по поводу каких-то слухов.

«Какие-то слухи». Значит, я ему всё выдумала, а он по-прежнему в рейсе. Почему-то хотелось спросить, удобно ли ему разговаривать при Гале, или он ради этого вышел на крыльцо. Но Матвей был за дверью, и упоминать её при нём я больше не собиралась.

Вернулась на кухню и молча включила громкую связь. Петя продолжал бубнить про «тяжелый график» и «непонимание со стороны руководства», не замечая, что я слушаю не одна. Матвей замер у плиты, где грел воду для чая. Он смотрел на телефон с любопытством.

— ...и вообще, Оля, будь мудрее. Мы же семья, — закончил он фразу, ожидая привычного «да, конечно, любимый».

— О рейсах поговоришь с диспетчером, — сказала я. — Матвею не ври. Завершила звонок и положила телефон экраном вниз на столешницу. Матвей хмыкнул. Я взглянула на него, но он уже отвернулся к чайнику. Что он услышал — мою злость или отцовское «мы же семья»?

Ночью я то ложилась на бок, то снова переворачивалась на спину. Подушка смялась и стала горячей с обеих сторон. Матвей спал; я прислушивалась к нему, вспоминая разговор за ужином. Если завтра он скажет то же самое? Если через неделю? В три часа взяла телефон и начала сообщение: «Петь, давай встретимся. Давай поговорим спокойно. Я готова простить...»

До кнопки «Отправить» оставалось одно движение. Прости я его сейчас — он бы приехал, назвал Оленькой и обнял, если потребуется. Матвей обрадовался бы. А мне пришлось бы лечь с ним в постель и слушать, как через неделю опять понадобится срочный рейс в Тверь. Я посмотрела на слово «простить». Но отправить так и не смогла.

Отбросила телефон в сторону. Телефон упал на пол, и на секунду я оставила его там. Села в кровати, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Черновик остался неотправленным. Подняла телефон и удалила его, пока опять не передумала.

Включила ноутбук. Синий свет экрана резал глаза. Я открыла семейное облачное хранилище, куда Пётр складывал дорожные документы. Среди накладных лежала выгрузка его переписки. Там были сообщения с номером, который я раньше не знала. Галя. Фотографии детей. Чеки на игрушки. Расписание визитов.

Сначала открывала каждый файл, потом перестала увеличивать фотографии. Даты и номера — этого хватит. Создала папку «Доказательства» и складывала всё туда. Когда очередная картинка не сохранилась, повторила загрузку. Простое дело: нажать, проверить, переименовать. Пока занималась им, не надо было решать, как завтра смотреть на сына.

К утру болели виски. Выпила кофе, потом ещё полчашки; от него хотелось работать, а руки подрагивали над клавиатурой. В офисе говорили сразу со всех сторон: где контейнер, кто принял накладную, почему водитель не отвечает. Обычно я включалась ещё у двери. Сегодня пришлось попросить коллегу повторить вопрос.

К полудню выяснилось, что я пропустила стыковку в маршруте крупного клиента. Контейнер задерживался на сутки. На экране рядом со сроком доставки уже краснела сумма штрафа, и хотелось отвернуться от неё, как ночью от переписки. Только здесь отвернуться было нельзя.

— Ольга Викторовна, объяснитесь, — начальник отдела, Аркадий Семенович, стоял над моим столом, положив руки на спинку стула. Его лицо было красным от раздражения. — Вы обычно внимательны. Что произошло? Недосып? Проблемы дома?

За соседним столом замолчали. Аркадий Семёнович всё ещё держался за спинку моего стула, так что отодвинуться я не могла. Сказать: «Проблемы дома»? Тогда придётся объяснять, а он уже смотрит на экран со штрафом. Я положила ладонь на распечатку, которую успела приготовить.

Подняла голову. Он ждал ответа, и я подвинула к нему распечатку.

— Техническая ошибка в маршруте, — сказала я ровным, деловым тоном. — Приношу извинения. Проблема решена следующим рейсом. Потери будут компенсированы за счет оптимизации смежных заказов. Вот план действий и цифры.

Сначала он прочитал сумму, потом провёл пальцем по строке с новым рейсом. Я проследила, на каком месте он остановился. Если начнёт спорить про сроки, у меня открыто подтверждение перевозчика. Если про деньги — рядом расчёт смежных заказов. Аркадий Семенович прочитал бумагу, хмыкнул и развернулся. — Работайте дальше.

Я дождалась, пока начальник отойдёт, и проверила цифры ещё раз. Эту работу нельзя потерять. Пётр пугал, что оставит меня ни с чем, и раньше я пропустила бы угрозу мимо ушей. Теперь перед глазами стоял Матвей с полной тарелкой. За квартиру, школу, наш ужин отвечать мне. Значит, следующий маршрут нужно проверить особенно внимательно.

Вечером того же дня раздался сигнал клаксона во дворе. Знакомый, наглый звук. Я подошла к окну. Пётр стоял рядом со своей старой «Нивой», пинал колесо. Лицо его было искажено яростью. Он кричал, глядя вверх, на мои окна.

— Ольга! Ты лишила меня права быть отцом! Ты ещё юристами мне угрожаешь! Ты хочешь уничтожить меня!

В окне напротив отодвинули занавеску. Потом высунулась соседка снизу. Я уже потянулась за курткой: надо спуститься, пока он не наговорил ещё чего-нибудь. И остановилась. Это он приехал под наши окна и орёт. Пусть соседи увидят, кто устраивает скандал. Вернулась к стеклу. Пётр махал мне, требуя выйти.

Он снова пнул колесо. Я смотрела сверху и вдруг вспомнила, как он завязывал шнурки чужому мальчику. Там терпеливый папа, здесь — крик на весь двор. Разным людям показывал разного Петра. А я слишком долго смотрела только на того, которого он выбирал для меня.

Я достала телефон. Щелчок камеры. Фотография: Пётр в позе оскорбленного величия, с перекошенным лицом, на фоне ржавого колеса. Потом включила видео, чтобы записать его угрозы вместе с голосом. С одной фотографией он скажет: «Просто стоял у машины». Пусть попробует объяснить крик.

Пётр сел в машину и хлопнул дверцей. Когда «Нива» выехала со двора, я отошла от окна. На столе, среди стопки документов, лежала папка с распечатками. Открытая.

Матвей сидел на полу у стола с одним из листов. Я машинально посмотрела на открытую папку: не убрала. Он поднял голову; нижняя губа дрожала. — «Любимая моя, жду тебя в пятницу. Дети спят», — прочитал он вслух. Голос сорвался. — Это... это она? Та женщина?

Я опустилась рядом. Сквозь брюки сразу потянуло холодом, но вставать было поздно. Матвей держал лист за оба края, будто я собиралась отнять. Я положила руки на колени и дождалась, пока он закончит читать.

— Он лгал нам обоим, Матвей, — сказала я. — Это его переписка, не твоя. Тебе не надо разбираться в ней или выбирать между нами. Сын сжал лист так, что тот захрустел. — А почему он сказал, что ты виновата? — Потому что ему легче обвинить меня. Я сама ещё злюсь. Но на тебя — нет. Подставила ладонь под листок и дождалась, пока Матвей сам его отдаст.

Он отдал распечатку, но смотрел на неё у меня в руке. Я перевернула её чистой стороной вверх. Посидели рядом ещё немного. Матвей не обнял меня, не сказал, что понял. Только спросил, где его тарелка с капустой. Я пошла разогревать.

Глава 3

Через два дня после моего сообщения о юристе Пётр предложил встречу. Он написал: «Давай встретимся. Решим мирно. Без судов. Я готов вернуть машину, если ты откажешься от раздела остального имущества».

От его «я готов» меня опять передёрнуло. Машина тоже куплена в браке. Он собирался отдать мне моё же и назвать это уступкой. Я переслала предложение Вельду, прежде чем успела ответить сама.

В кафе Пётр пришёл раньше и сел лицом ко входу. При виде Вельда рядом со мной перестал размешивать чай. Арсен положил на стол визитку и выдвинул мне стул. Я села, положив сумку на колени. Пётр переводил глаза с меня на юриста; мне было приятно впервые не отвечать на его вопрос, прежде чем он его задал.

Пётр нервно крутил в руках стаканчик с чаем. — Ольга, давай по-человечески. Я знаю, тебе тяжело. Но зачем тратить деньги на... этих людей?

Я молча открыла сумку. Достала папку. Положила на стол первый документ. Потом второй. Третий. Кредитный договор. Под залог нашего общего гаража. Гаража, на покупку которого мои родители дали нам свои пенсионные накопления. Кредит был оформлен на меня: Пётр убедил, что деньги нужны на ремонт фуры. Но по выписке они ушли на ремонт дома в Твери, где живут Галя и её дети.

Пётр выдернул бумагу из-под моей ладони. Прочитал, перевернул, хотя с другой стороны ничего не было. Чай стоял у его локтя; он задел стаканчик, поймал, поставил обратно. Я дождалась, пока он снова возьмётся за лист. — Откуда ты это взяла? — спросил он почти шёпотом.

Арсен снял очки и протёр салфеткой. Пётр ждал ответа от него, но юрист даже не поднял головы. Я придержала остальные документы на столе: вдруг муж опять потянется.

Пётр держал лист так крепко, что я решила не забирать: у Вельда есть копия. А мне хотелось, чтобы муж ещё раз перечитал сумму. Всю, до последнего рубля. Подождала, пока он посмотрит на меня. — Мой адвокат сказал, — произнесла я, глядя ему прямо в глаза, — что мы только начали играть.

За два дня до кафе я ещё не знала, возьмётся ли Вельд за моё дело. Стояла с телефоном у окна в офисном коридоре и ждала, когда меня наконец соединят. За стеной звонили водители; мне надо было возвращаться к работе, но я опять услышала музыку вместо ответа.

Сотрудница фирмы «Вельд и партнёры» говорила так вежливо, что перебить её казалось невоспитанным. Этим она и пользовалась. — Извините, Ольга Викторовна, но очередь на первичную консультацию у господина Вельда — три недели. Мы можем предложить вам шаблонный договор о разводе с фиксированной ставкой...

Я переставила телефон к другому уху. Три недели он будет рассказывать сыну, что мама всё выдумала. А ещё у него есть гараж, машина, знакомые, которым можно что-нибудь «продать». Я посмотрела на время в углу экрана: из моей смены уже выпало полчаса, а они предлагают подождать ещё двадцать один день. — Мне нужен Арсен Вельд, — повторила я. — Сегодня. Найдите время хотя бы на короткий разговор. — Господин Вельд не принимает срочных заявок без рекомендации...

После отказа я вернулась к столу и пролистала контакты. Секретарь меня не знает, ей легче отказать. Кто-то должен позвонить Вельду сам. Вспомнила коллегу из тендеров — он как раз упоминал этого юриста. Знала я, что не надо с ним только о работе разговаривать.

Минут через двадцать коллега взял трубку. Они с Вельдом виделись по банкротству головного холдинга. Я сказала, что речь о разводе и имуществе, а детали рассказывать не буду. Он переспросил: «Прямо сегодня?» — и пообещал попробовать. Пока ждала, закрыла два

рабочих звонка. Когда пришли адрес и время — четырнадцать ноль-ноль, — переписала их на ладонь. Вдруг забуду.

В приёмной пахло кофе. Я бы выпила, но побоялась попросить: вдруг не положено, вдруг сразу видно, что пришла не туда. Остановилась возле картины, в которой ничего не поняла. На белой стене разноцветные куски смотрелись дорого. Я поправила воротник блузки и отвела глаза от ценника, которого там, конечно, не было. Девушка за стойкой задержала взгляд на моей сумке. Я переложила её в другую руку, чтобы потёртый угол не так бросался в глаза. — Присаживайтесь, Ольга Викторовна. Арсен Валентинович уже ждет.

Я кивнула. Коллега успел наговорить про Вельда достаточно, чтобы захотелось уйти до встречи. Требовательный, дорогой, нежности не ждать. Зато умеет работать с теми, кто считает себя умнее всех. С Петром, значит, язык найдёт.

Я уселась, прижав папку к сумке. И прямо здесь вспомнила Петино: «Ты слишком мелкая для этого, Оля. Тебя съедят вместе с жалобами». Он говорил так о любой моей затее, которую нельзя было объяснить за две минуты. Руки опять затряслись, и я зажала угол папки пальцами.

А потом вспомнила его у дома в Твери. «Всё равно не докажешь». Сколько же он приготовил таких фраз, чтобы я сама никуда не пошла. Девочка на его шее, Галя под руку — они этого даже не слышали. Это предназначалось только мне.

Я села ровнее. Папка дешёвая, сумка потёртая, зато за консультацию я заплачу своими деньгами. И могу задать вопрос, даже если секретарша смотрит на меня слишком долго. Когда она позвала, поднялась сразу. Секретарша отодвинула дверь кабинета и пропустила меня внутрь.

В кабинете пришлось остановиться, чтобы глаза привыкли к темноте. Шторы закрыты, на столе лампа и стопка папок. За ней сидел мужчина в чёрной водолазке. Бритая голова, очки в тонкой оправе. Я уже узнала его по фотографии на сайте, но всё равно хотелось спросить, куда ли меня привели. Он продолжал читать. — Садитесь, — сказал он, дойдя до конца страницы.

Положила папку перед ним. Картон на сгибе уже помялся; я провела по нему ладонью. Внутри были распечатанные в офисе фотографии, скриншоты, копии чеков. Ночью собрала всё, что смогла найти. У него в кабинете всё это показалось жалкой кучкой, но я всё равно выложила перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.